

І. Есенинский сорокоуст

1

Есенин...

Порою одно только это звуко сочетание заставляет прерывистей биться моё ретивое, далеко не вчера «тронутое холодком» – зачастую – бездарной житейской прозы.

Есенин...

Для меня одно это имя – как позывной сигнал русской поэзии, неизрекаемо-кровной и насущно-неизъяснимой, как само понятие родины.

Есенин...

Под светильником этого имени шалопутно-отроческая моя душа нащупывала собственную – предназначенно-поэтическую – тропу. И не где-то нащупывала, а под небушком в крупную клетку – как, похоже, было угодно промыслу безбашенной моей планиды. И, сдаётся, недаром не одно десятилетие – над моим письменным «станком» – его «образ», запечатлённый (на обыкновенном берёзовом срезе) безыскусной кистью – давно покинувшего белый свет – безвестного русского мастерового-пропойцы...

Я ныряю в октябрьскую гулкую стынь, отрешённо выплывая туда, где «о красном вечере задумалась дорога», а на окраинно-городских крышах закатная заря «как котёнок, моет лапкой рот», и «словно бабочек лёгкая стая с замираньем летит на звезду» сиротливо-кручинная листва – под невыразимо-глобальную и несказанно-земную мелодию пронзительно-простодушной есенинской кантаты:

Если крикнет рать святая:

«Кинь ты Русь, живи в раю!»

Я скажу: «Не надо рая,

Дайте родину мою».

Я уже, конечно, не захлебнусь «лихой самогонкой», как «соломой пропахший мужик», но и вряд ли разминусь с известным русским заведением, магнитным для меня ещё и потому, что под его окошками «горит костёр рябины красной», что ознобным теплом своим согреет не тело, так душу, простёртую к нашей общей с поэтом родине, которую так... Впрочем, лучше него, пожалуй, и не скажешь: «Любил он родину и землю, как любит пьяница кабак». От этих строк, таких штучно-точных, недалеко и до его не менее гениальных: «Дорогая... я плачу... Прости... Прости...» И уже совсем близко – до моего посильно-благодарного ему посвящения...

Прими, Вожатый...

2

*Миру нужно песенное слово
Петь по-свойски, даже как лягушка...**

Снилось-бредилось, что я – Есенин...
В тьме заклетчатой кычет сова.
И аукают в явь наважденья
запредельно-живые слова.

Подсознания смятенные мощи
разрывают осознанный сон:
в опоясанной вышками роще
не разгул и для мыслящих сов.

И мычу я во мглу благим матом...
Где я? В номере «Англетер»?
Иль в подвально-чекистских палатах
чрезвычайных весов и мер?..

Несказанное, кровное, странное...
Отлепляю я веки от глаз.
Это что? Иль часы деревянные
отбивают крайний мой час?..

Завизжали раздрайные нары
истерично, как кошки весной.
Словно в лист жестяной из-под крана
капал в уши курантовый бой.

Под рычание вохровских псов –
кто там? – прав оказался, в общем:
не разгул и для песенных сов –
в опоясанной вышками роще.

Только дикую чту я сову,
мы друзья беспросветных прозрений.
Снилось грешному, что я – Есенин,
чтоб остаться – собой – наяву...

*

Этот и все последующие эпиграфы – из творческого наследия Сергея Есенина.

*И Русь всё так же будет жить,
Плясать и плакать у забора.*

Вожатые – знобят опять слова,
что всё пройдёт, как яблоневый дым,
что смерть и на погосте трын-трава –
под жизнетворным стоном – молодым...

Рязанский дух над Тульщиной осенней
мятётся – в день рождения – не зря:
мой календарный брат Сергей Есенин,
мы кровники не только октября.

И потому – до дна и без прикрас –
скажу, покуда мне не прохрипели
часы судьбы двенадцатый мой час
в каком-нибудь заштатном «Англетере».

Ловчились муровать и шельмовать
твой стих ортодоксальные кастраты.
Да шутка ли с эпохой шутковать,
и правда есть – да нету виноватых.

Теперь бубнят, как нищий заклинанья:
«лицом к лицу лица не увидать»,
блудливые строча воспоминанья –
в тщете свои паскудства оправдать.

Им – что хулить, что памятники ставить,
свой «дружеский» в архиве жгя навет..
Проклятьем заклеимённый «месть и славить»
споткнулся не об их ли пистолет?

И не они ль – над ним же – и гнусили
его же строки про «смертельный мел»?..
А ты всё в той же несказанной силе,
как и при жизни, искренен и смел.

Пусть новым литкликушам на потребу
сервильно-стадионная «звезда»**
бесовский выкаблучивает ребус,
тряся стилем исподнее... Христа...

И пусть вития – «больше чем вития»*** –
с презервативной храбростью орёт..
Твоим стихам подмости – вся Россия,
которая Есенина – поёт.

* В. Маяковский – стихотворный некролог «Сергею Есенину».

** А. Вознесенский – «чайка – плавки Бога...»

*** Е. Евтушенко – «поэт в России больше чем поэт...»

И снова я опавшим клёном брежу,
и рассказать об этом не берусь.
Оплакав замордованную свежесть,
всё так же пляшет у забора Русь...

4

*Милый, милый, смешной дуралей,
Ну куда он, куда он гонится?..*

Жеребёнок! – на автотрассе –
среди бетонных громад городских.
И – ау! – где вы страсти-мордасти
прогрессивных нелепиц людских?..

Вот уж диво воистину дивное –
жеребёнок! И вдарился я –
рысью – вслед за горласто-лавинною
малышнёй – чуть не душу сломя.

Ребятня погалдела и стаяла.
А жеребчик трусил вдоль аллея,
словно зная дорожные правила, –
не есенинский дуралей!

Но такая ж младенчески-милая –
вещь в себе, чьей натуре плевать,
что её и с фотонною силою –
бренной мысли – вовек не догнать.

Не догнать черепаху – Ахиллу
с уязвимой – в бессмертье – пятой...
Жеребёнок! Куда же ты, милый?
Снизойди к человеку – постой!..

2. Тверская элегия

*Мечтая о могучем даре
Того, кто русской стал судьбой,
Стою я на Тверском бульваре,
Стою и говорю с собой.*

Октябрь. Как штамп в стихе – пожар листвы.
И вновь – как рифма «кровь» – рябин костры.
От «ситцевых берёзок» спасу нету.
Но тормознём метафорный вираж –
в лирично-иронический кураж,
не сбрасывая скорости при этом.

И пафосной серьёзности башку
свернём пером попутным, что – к штыку

смел приравнять горлан советской бучи*,
от чьей гиперболической фарцы
пошли и эпигонские спецы
жужжать, как мухи над известной кучей.

И ты, октябрь, не торопись под свист
швырнуть в меня кленовый палый лист –
пощёчиной опального упрёка.
С лихвой хлебнув – от клетчатых щедрот,
дарить тебе утиль сусальных од –
свят-свят! – не дай мне спятить ненароком.

Мне, если словоблудьем не соря,
застрочкогоненная – невтерпёж! – заря,
как на похмел одеколон, тошнотна.
Прости, октябрь, мой кровный побратим,
я занудь скуки цеховой окоротил –
и беспопятно, и бесповоротно.

Банкуй же, забубённая строка!
Не для гулаговского нынче бурсака
инъекции скуловоротных лекций.
Я сам себе сегодня высший суд.
Не обессудь, Литературный институт,
и тень твоих аудиторий – Герцен.

По зову ретивого уходя,
мы свой побег от площади вождя
российских лир – начнём, верны примете...
Как мог, нам Солженицын подсобил,
Астафьев – аж в «К.П.» – благословил**,
да «Новый мир» – в упор – нас не приметил.

Всему – черёд. И не пора ль – вперёд,
покуда дудка воли подаёт
знак, крепостной свободе не постылый.
В дни увяданья, когда плачет сад
и листья стаей бабочек летят,
глагольные – мы навестим могилы.

И вот мы – в переделкинской глуши
близ дач литгенеральских шебаршим
обочь погостно-большевистских знаков
сквозь револьверно-лающие сны –
туда, где часовыми три сосны
на страже – у легенды Пастернака...

Калил закатный лазер купола
низинной церкви. Расправлял крыла
колоколов речитатив окрестный.

* В. Маяковский – поэма «Хорошо!».

** «К.П.» – «Комсомольская правда» (8.03.1991).

На пересудно-инобытный холм –
плыл благовест. Душа просилась вон –
из горловины загрудинно-тесной.

Расплавленная медь сосновых крон
струилась в небо. Предвечерний звон
знобил, стопарь походный искушая.
Нутро глотком стремянным охмуря,
мы помнили – о третьем октября,
четвёртое, понятно, предвкушая...*

И вот – в глуши ваганьковской тиши –
мы листопадной охрою шуршим
под смутный морок мороси осенней.
И – стушевался шатко-шаркный шаг:
в цветах – как Русь в есенинских стихах –
мрел островок по имени Есенин.

В теснине многоликого кольца
стихами запьянцовского певца
народ-безмолвец упивался: как за водкой
в урочный час, шли – в очередь – читать.
И спазмы немоты, как благодать,
я восприял заклиненною глоткой.

Сутулый люд, крылатые слова
роняя – распрямлялся... Вся Москва,
казалось мне, пришла почтить поэта.
И мнилось мне, хоть об заклад не бьюсь,
своих послов здесь собрала вся Русь,
что так им – на разрыв души! – воспета...

Октябрь, наш близнецовый побратим,
и мой раздрайный путь необратим,
не за горой горнильная граница.
Но к эху плоти, могшей созидать –
сорадоваться суть и сострадать,
отпетый стих мой сможет ли пробиться?

А впрочем, малотрезвый этот бред
юродив – в эру ядерных ракет
и лазерно-космических радаров...
Зовёт живых – живой Тверской бульвар,
где нации лирический радар
не слеп – и в бронзе – над Тверским бульваром.

Где милосердья к падшим – тот же код
и дум высоких неизбывен счёт –
тьме низких истин – в рабской заварушке,
в которой нам свобода – высший суд.
Благослови не ты, Литинститут,
а дух твоих аудиторий – Пушкин...

*

Третье октября – день рождения С. Есенина, четвёртое – автора поэмы.

3. Есенинский часослов

1

*Если раньше мне били в морду,
То теперь вся в крови душа.*

Забубённой отмеченный метой
с желторото-доверчивых пор,
не родись я отпетым поэтом,
может, был бы я статусный вор...

Уж не помню, кричал ли я маме,
брод – к себе – наводя через сброд,
что душа у меня, а не камень,
и пинками – уж лучше в живот.

То, что сплыло, душа не забыла.
И – сквозь лай, улюлюканье, вой –
ей, не каменной, всё ещё мило
заклеймённое метой живой.

Бытиё – битиё. Что там в морду!
Не о ней, измордованной, речь.
Не гордыней – работою гордой
повезло мне себя подстеречь.

И – предавшей, но всё ж таки маме –
говорю, брод сыскав – через сброд,
что душа – не запазушный камень,
тот, кто жив, у того заживёт...

2

Я последний поэт деревни...

Что? – опять замурованный вой,
как-никак, божьей дудки, по слухам.
Да и вой-то – как вовсе не мой,
или – заживо – сердце протухло?

Не факир – и чифирный «индус»,
а гитаре – без струн – не затренькать.
Эх, неужто стихийный картуз –
в лоскут свой – не про нашего Сеньку?

Ну, а то, что – под шапкой, по нём?
На черта, впрочем, крыша – стихии,
полыхнувшей творящим огнём –
на авось, как ведётся в России...

Ничегошеньки, впрочем, не ново,
как и белый – над кладбищем – свет,
и что клетчато-штучного слова
первый я и последний – поэт...

*В саду горит костёр рябины красной,
Но никого не может он согреть.*

И повстречал нечаемым ненастьем –
донской исток. Но, видит Бог, не зря –
лишь сокровенной лирике подвластный –
я вновь с тобой, насущная земля.

От невидали – чуждо-инобытной –
бежал я, что зверюга от огня.
Дурак ли я набитый-ненабитый,
ты не осудишь, родина, меня.

Ты всё поймешь, расхристанная роща,
багрянцем ранневременным соря.
Пусть ошалелый дождик нас полощет,
в котором грустно весел я не зря.

Не всё ль равно, что там – с подглазной кожи –
стекает... Сам к себе я нынче гость...
И – под глоток – согреться мне поможет
продрогшая рябиновая гроздь.

Целую бесприютными губами –
ознобно-жгучий – ягодный костёр.
И – ледяное – животворно пламя
тому, кто душу к родине простёр.

4

*Любил он родину и землю,
Как любит пьяница кабак.*

Дней у Бога, естественно, много.
Да не зря предстоит всякий год –
и подбить фантомных итогов,
ну и прочий – печальный – отчёт.

Жидковато на дне у итогов,
беса тешить – себя утешать.
Чертогонить рождённый – под Богом,
всё надеюсь ещё не сплюшать.

И под небом – мольбами засеянном –
всуе не поминаю Христа...
Эх, Расея, моя ты Расея,
пред тобой моя совесть чиста...